

18+

Зорин Яромир
Тандифида

Яромир Зорин

Тандифида. Серия

Сборников- Фантомы Мрака

<https://litres.ru/74290799>

ISBN 9785007078726

Аннотация

Это не просто истории — это порталы в места, куда боится заглянуть человеческий разум. Древние проклятия, городские легенды, оживающие в ночи, и бездна, которая смотрит на вас в ответ. Готовы ли вы встретиться с тем, что прячется в глубине страниц?. Здесь каждый рассказ — это ловушка для вашей нервной системы. Здесь нет места спасению, есть только осознание того, что монстры реальны, а тьма — это не просто отсутствие света, а нечто живое.

Содержание

Баронесса Фунсильторн	6
1	7
Ртутные глаза и холод фарфора	8
2	11
Шепот в крипте	12
3	15
Стук в ворота	16
4	19
Танец на лезвии ножа	20
5	23
Кровавый витраж	24
6	27
Пепел и роза	28
7	31
Эхо под пеплом	32
8	35
Тень над долиной	36
9	39
Пепел и молитвы	40
10	43
Стылая сталь	44
11	47
Между светом и пустотой	48

12	51
Цена тишины	52
13	56
Долгий рассвет	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тандифида
Серия Сборников-
Фантомы Мрака

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0070-7872-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Баронесса Фунсильторн

Ртутные глаза и холод фарфора

Туман в Фунсильторне никогда не рассеивался полностью. Он цеплялся за шпиль замка, словно голодный призрак, пытающийся просочиться сквозь щели в тяжелых дубовых рамах. Внутри, в главном зале, где камин никогда не давал настоящего тепла, баронесса Гальярда Фунсильторн стояла перед зеркалом в полный рост.

Ей исполнилось сорок в прошлый четверг. В отражении она видела безупречное лицо — ни единой морщинки у глаз, ни малейшего намека на усталость, которую она носила в себе десятилетиями. Кожа была неестественно бледной, почти прозрачной, сквозь которую просвечивали тонкие голубоватые вены.

— Хрупкое совершенство, — прошептала она. Голос звучал как шорох сухого листа по надгробию.

Гальярда медленно обернулась. В углу, сгорбившись на коленях, замерла молодая горничная, Эльза. Девушка дрожала так сильно, что серебряный поднос в её руках тихо звенел, ударяясь о бокал.

— Ты пролила каплю на ковер, Эльза, — произнесла баронесса, не повышая голоса.

Горничная вскрикнула и повалилась ниц, прижимаясь лбом к холодному каменному полу. — Милостивая баронесса, умоляю! Руки... руки онемели от холода, я не хотела!

Гальярда подошла к ней бесшумно, словно тень, отделившаяся от стены. Она наклонилась, и её длинное шелковое платье цвета воронова крыла зашуршало по полу. Одним движением пальцев, чьи ногти были острее стилетов, она приподняла подбородок девушки. Глаза Гальярды, цвета застывшей ртути, не мигали. В них не было ни гнева, ни сочувствия — лишь холодное, отстраненное любопытство анатома.

— Холод? — Гальярда мягко улыбнулась, обнажая безупречные, чуть более острые, чем у обычных людей, клыки. — Я научу тебя, что такое настоящий холод, дорогая. Тот, что проникает в самую суть костей и заставляет сердце забыть, зачем оно вообще должно биться.

Она махнула рукой в сторону двух стражников, которые, как статуи, стояли у дверей. — В подвал. В «ледяную комнату». Пусть пробудет там до рассвета. Если выживет — вернете ко мне. Если нет... мне понадобится новая служанка, менее дрожащая.

Когда Эльзу выволокли, оставив на полу лишь влажный след от её слез, Гальярда вернулась к окну. Она знала, что за стенами замка крестьяне перекрещиваются, заслышав шум ветра, и называют её проклятием, упавшим на эти земли. Они не ошибались. Она была проклятием, рожденным из боли, которую она теперь превращала в искусство.

В глубине горла заворочался привычный голод — не еды, а самой жизни, теплящейся в других. Она приложила ладонь

к холодному стеклу. Сегодня была безлунная ночь. Идеальное время, чтобы вспомнить, как именно она выживала все эти годы, превращая каждую каплю своей боли в яд, который теперь отравлял всё поместье.

Она закрыла глаза, и на мгновение в тишине замка раздался едва уловимый, свистящий звук — звук существа, которое больше не боится ни бога, ни дьявола, ибо сама стала для них обоими.

Шепот в крипте

Эльза не кричала. В «ледяной комнате» — древнем каменном мешке под фундаментом замка — воздух был настолько пропитан холодом, что звук замерзал, не успев сорваться с губ. Гальярда спускалась по винтовой лестнице медленно, её шаги не издавали ни звука. Она любила это место. Здесь, внизу, где земля смыкалась над головой, она чувствовала себя по-настоящему дома.

Баронесса остановилась перед тяжелой дубовой дверью, окованной почерневшим железом. Она приложила ладонь к холодному дереву, и по нему пробежала тонкая сеть инея.

— Ты еще здесь, маленькая птичка? — прошептала она, и её голос эхом отозвался в пустоте, пробуждая голод.

За дверью раздался слабый стук зубов. Эльза была еще жива, но её жизненная сила истончилась, став едва уловимой нитью. Для Гальярды эта нить светилась в темноте ярче, чем факел.

Баронесса толкнула дверь. Внутри было так холодно, что даже её бессмертное тело ощущало покалывание на кончиках пальцев. Эльза сидела в углу, сжавшись в комок. Её кожа посинела, а губы покрылись коркой льда. Она подняла на госпожу глаза, полные не столько ужаса, сколько бесконечной, изнуряющей мольбы.

— Скажи мне, — Гальярда присела перед ней, её шелко-

вое платье расплылось на полу темным пятном, словно разлившаяся кровь. — Почему вы все так цепляетесь за жизнь? За это жалкое, хрупкое существование, полное боли, гнили и неизбежной смерти?

Эльза едва заметно покачала головой. Она не могла говорить.

— Мой граф, мой покойный муж, тоже любил задавать вопросы, — Гальярда протянула руку и коснулась щеки девушки. Её пальцы были холоднее льда в подвале. — Он считал, что страх делает жизнь насыщеннее. Но он был лишь человеком. Он не знал, что подлинная власть заключается не в том, чтобы причинить боль, а в том, чтобы даровать забвение.

Гальярда наклонилась ближе, вдыхая ледяной воздух вокруг горничной. Она чувствовала, как пульс девушки замедляется, сбиваясь с ритма. Это было похоже на затухающую музыку.

— Я не дам тебе умереть здесь, от простого холода, — прошептала баронесса, и в её глазах вспыхнул багровый огонек. — Я подарю тебе память о том, что значит быть по-настоящему свободной. Но свобода имеет свою цену, Эльза. И сегодня ты заплатишь её сполна.

Она сжала подбородок девушки чуть крепче, и в тишине подземелья раздался резкий, сухой звук — звук срывающегося терпения и вечной, ненасытной жажды.

Когда Гальярда вышла из крипты, замок казался ей дру-

гим. Она чувствовала каждую трещину в своих стенах, каждое биение сердца в своих слугах, разбросанных по огромному поместью. Она была хозяйкой не только камня и земли, она была королевой этого маленького, сжатого от ужаса мира.

Наверху, в обеденном зале, ждал ужин. Но Гальярд не интересовала еда людей. Она подошла к высокому окну и посмотрела на туман, который теперь казался ей не препятствием, а её собственным дыханием, окутывающим этот мир саваном.

— Скоро, — произнесла она, глядя на далекие огни деревни внизу. — Скоро я спущусь туда, чтобы собрать свой урожай.

Стук в ворота

В Фунсильторне редко стучали в ворота. Те, кто приходил к замку, обычно делали это с опаской, едва касаясь тяжелого медного кольца, боясь привлечь внимание того, что скрывалось за мощными стенами. Но этот стук был иным — уверенным, тяжелым, требовательным.

Гальярда, сидевшая в своем кабинете за изучением старинных манускриптов, даже не подняла головы. Тень улыбки скользнула по её губам. Она знала, кто это. Гости редко бывали незваными, но этот... этот был особенным.

— Миледи, — в дверях появился дворецкий, старик с лицом, напоминавшим сморщенную пергаментную бумагу. Его руки дрожали, когда он держал серебряный поднос с визитной карточкой. — Там... господин Ван Хельсинг. Говорит, по очень срочному делу.

Гальярда медленно отложила книгу. Ртутный блеск её глаз стал ярче, прорезая полумрак кабинета. — Ван Хельсинг? — повторила она, смакуя имя, как дорогое вино. — Как интригующе. Впусти его, Карл. И распорядись, чтобы в главном зале накрыли стол. Негоже заставлять таких «гостей» ждать в прихожей.

Она встала, расправляя складки черного платья, которое казалось сотканным из самой ночи. Она не боялась охотника. В ней, за все годы, прошедшие с момента её превраще-

ния, не осталось места для страха. Только для голода, который стал её вечным спутником.

Когда она вошла в главный зал, Ван Хельсинг уже стоял у камина. Он выглядел уставшим — на его плаще осела дорожная пыль, а на лице залегли тени от бесчисленных ночей, проведенных в погоне за тварями, подобными ей.

— Баронесса Фунсильторн, — он склонил голову, но в его взгляде читалась настороженность, как у зверя, почуявшего ловушку.

— Господин Ван Хельсинг, — Гальярда сделала изящный жест рукой, приглашая его сесть. — Какая честь. Должно быть, вести о моих... «методах управления» помещьем дошли даже до столицы?

— Вести дошли, — ответил он, оставаясь стоять. — Но меня интересуют не ваши методы, баронесса. Меня интересуют исчезновения. Десятки молодых людей, которые покинули этот мир, так и не дожив до рассвета.

Гальярда рассмеялась. Звук получился мелодичным, но в нем слышался скрежет костей. Она подошла к нему почти вплотную, чувствуя исходящий от него запах железа, пота и святой воды.

— Исчезновения? — прошептала она, глядя ему прямо в глаза. — В мире, где царит холод и голод, исчезновение — это, возможно, величайший дар, который я могу им предложить. Разве смерть не лучше, чем бесконечная мука существования в нищете?

Ван Хельсинг сжал рукоять своего клинка, скрытого под плащом. — Вы безумны, Гальярда. Или стали такой, пройдя через ад, но это не оправдание тому, что вы творите.

— Оправдание? — она склонила голову набок, её клыки на мгновение блеснули в свете камина. — Я не ищу оправданий. Я ищу развлечений. А вы, господин Ван Хельсинг, похоже, сегодня будете главным блюдом в моем меню.

В этот момент замок словно задрожал. Снаружи поднялся вой ветра, а в зале погасли свечи. Гальярда знала: её игра только началась, и она собиралась насладиться каждым мгновением этой охоты.

Танец на лезвии ножа

Темнота в зале была густой, почти осязаемой. Ван Хельсинг не двигался, его рука замерла на рукояти клинка. Он знал, что охотник, вышедший на вампира в его логове, — это уже не человек, а приманка.

— Вы полагаете, что ваша тьма скроет вас от меня? — голос охотника прозвучал глухо в пустоте зала.

Гальярда ответила не сразу. Она двигалась, и её шаги эхом раздавались то справа, то слева, сбивая с толку. Она кружила вокруг него, как хищник, наслаждающийся агонией добычи перед прыжком.

— Тьма — это мой дом, господин Ван Хельсинг, — её шепот раздался прямо над его ухом, заставив кожу покрыться мурашками. — Вы пришли в замок, где даже камни пропитаны моим гневом. Здесь я — закон, я — время, я — сама смерть.

Ван Хельсинг резко развернулся, выхватывая серебряный клинок, на лезвии которого были выгравированы древние защитные руны. Воздух прорезал свист стали, но он рассек лишь пустоту. Гальярда была быстрее. Она перемещалась с грацией, невозможной для существа, имеющего человеческое прошлое.

Внезапно в камине вспыхнуло неестественное зеленое пламя. В его отблесках охотник увидел баронессу: она стоя-

ла на широкой лестнице, её черное платье струилось вниз, словно живое, а глаза светились яростным, ртутным блеском.

— Вы ищете справедливости? — она рассмеялась, и звук этот отозвался в стенах замка стонами мучеников. — Справедливость — это сказка для тех, кто боится признать, что мир прогнал до основания. Я не просто вампир, Ван Хельсинг. Я — итог. Итог всего того насилия, что вы, люди, причиняли мне долгие годы.

Она сделала резкий жест рукой, и тяжелые дубовые двери зала с грохотом распахнулись. Внутрь ворвался ледяной вихрь, смешанный с туманом. В тумане замаячили фигуры — это были её слуги, а вернее то, что от них осталось. Безмолвные, с остекленевшими глазами, они медленно приближались к охотнику.

Ван Хельсинг понял, что выбраться живым отсюда будет сложнее, чем он предполагал. Он выхватил из сумки на поясе флакон с освященным маслом и швырнул его в пол. Вспышка ослепительного света на мгновение заставила баронессу отшатнуться, прикрыв лицо рукой.

— Смело, — прошипела Гальярда, и её лицо на мгновение исказилось, обнажая истинный облик чудовища. — Но здесь вы не найдете спасения. Сегодня замок Фунсильторн пополнит свою коллекцию душ еще одним трофеем.

Она прыгнула, и в этот момент время в зале словно замерло. Охотник приготовился к последней схватке, зная, что в

этом поединке не может быть победителя — только те, кто останется гнить в тумане навсегда.

Кровавый витраж

Свет от вспыхнувшего масла начал стремительно угасать, пожираемый неестественной тьмой, исходящей от самой Гальярды. Охотник понял: магия баронессы питалась не только кровью, но и самой структурой замка. Она была неотделима от этих стен, от каждой капли сырости, от каждого вздоха её проклятых слуг.

Ван Хельсинг не стал ждать. Он рванулся вперед, перепрыгнул через перевернутый стол и ударил клинком в сторону силуэта, мелькнувшего в дымке. Сталь прорезала воздух, но Гальярда, издевательски хохоча, уже возникла позади него. Она нанесла удар со скоростью молнии — когти полоснули его по плечу, разрывая кожу и сюртук.

Охотник вскрикнул, но не от боли, а от ярости. Он развернулся, нанося ответный удар, однако Гальярда с легкостью уклонилась, грациозно прогнувшись назад.

— Твоя кровь пахнет страхом и святым маслом, охотник, — прошипела она, её глаза теперь сияли не ртутью, а алым пламенем. — Но здесь, в Фунсильторне, молитвы не слышны!

Она взмахнула рукой, и огромный витраж над входом в зал взорвался. Миллионы осколков цветного стекла, подобно дождю из лезвий, обрушились вниз. Ван Хельсинг, прикрываясь плащом, бросился в сторону, но один из осколков

глубоко вонзился ему в бедро. Он упал на одно колено, чувствуя, как горячая кровь заливает сапог.

Гальярда медленно приближалась, её походка была хищной и плавной. Она наслаждалась его беспомощностью.

— Ты пришел сюда убить монстра, Ван Хельсинг, — она склонилась над ним, её лицо было в дюйме от его лица, холодное и прекрасное, как статуя. — Но ты забыл, что монстры рождаются из боли, которую причиняют люди, подобные тебе.

В этот момент, преодолевая адскую боль в ноге, охотник совершил единственный возможный маневр. Он не пытался атаковать её саму. Он ударил клинком в пол, прямо в массивное кольцо, которое держало цепи, сковывавшие когда-то её мужа. Руны на лезвии вспыхнули ослепительно белым светом, и мощная вибрация прошла сквозь камень.

Пол под ногами Гальярды содрогнулся. Заклятие, сдерживающее души её жертв, начало рушиться.

— Нет! — взвизгнула баронесса, и этот звук больше не напоминал человеческий голос. Это был вой тысяч замученных душ, прорвавшийся наружу.

В зале начался хаос. Тени, которые раньше подчинялись её воле, внезапно обернулись против своей хозяйки, охватив её невидимыми путами. Гальярда забилась, пытаясь разорвать ослепительно-белую пелену, но свет проникал в самую суть её сущности, выжигая мрак, который она культивировала десятилетиями.

Она посмотрела на Ван Хельсинга с ненавистью, которая могла бы расплавить железо, но в её глазах впервые за сорок лет мелькнул первобытный, животный ужас.

— Ты не победишь... — прохрипела она, пока её фигура начала медленно растворяться в потоках света. — Я — часть этих стен! Я — часть этой боли!

— Значит, замок падет вместе с тобой, — отрезал Ван Хельсинг, с трудом поднимаясь на ноги, чувствуя, как само здание начинает рушиться вокруг них под тяжестью высвободившейся магии.

Пепел и роза

Замок Фунсильторн стонал. Потолочные балки трещали, как кости великана, а пол под ногами превращался в крошево из камня и пыли. Гальярда, пригвожденная светом освобожденных душ, отчаянно цеплялась за реальность. Ее пальцы, чернеющие от некротической энергии, впились в обломки трона.

Ван Хельсинг, пошатываясь, сделал шаг к ней. Его плечо горело, кровь пропитала плащ, но в его глазах больше не было холодного расчета охотника. Он видел не монстра. В этом предсмертном хаосе, когда магия замка обнажила правду, он увидел израненную девочку, которую когда-то давно, в другой жизни, предали все те, кто должен был защищать.

— Уходи, Ван Хельсинг! — выдохнула она, и в этом крике уже не было власти, только отчаяние. — Свет поглотит и тебя!

— Я не могу уйти, зная, что это и есть твой финал, — ответил он, преодолевая последние метры.

Он не занес клинок для решающего удара. Вместо этого, повинуясь внезапному, безумному порыву, он протянул руку. Его ладонь, обожженная святой сталью, легла на ее ледяную щеку. Это касание было для них обоих разрушительным: для него — обжигающий холод смерти, для нее — нестерпимый жар человеческой жизни, который она забыла

за века тьмы.

Гальярда вздрогнула. Впервые за сорок лет ее сердце, застывшее в вечном ритме вампирского голода, пропустило удар. Она посмотрела на него, и ртутный блеск ее глаз сменился на мгновение глубокой, человеческой тоской.

— Зачем?.. — прошептала она, прижимаясь к его ладони, словно к последнему якорю в тонущем мире. — Я ведь хотела лишь, чтобы мир чувствовал ту же боль, что и я.

— Ты нашла ее, — тихо ответил он, чувствуя, как его собственные силы уходят вместе с магией разрушающегося замка. — Но боль не должна была стать твоей единственной спутницей.

В этот момент своды зала обрушились. Тяжелая каменная плита разделила их, но он успел перехватить ее руку. Они оказались зажаты в крошечном пространстве среди падающих камней — в ловушке, ставшей их последним убежищем. В этой предсмертной тишине, среди грохота разрушающейся истории Фунсильторна, возникла странная, пугающая близость. Гальярда, все еще сильная и опасная, прижалась к нему, и в ее глазах, полных слез, которые она не могла пролить, читалось признание, которое было невозможно произнести.

Она знала: им не выбраться. Но впервые за долгие годы она не чувствовала голода. Она чувствовала лишь тепло чужого сердца, бьющегося в унисон с ее собственным — редким, последним ритмом перед вечным сном.

— Ты пришел не за моей жизнью, — прошептала она, закрывая глаза. — Ты пришел за мной.

Замок рухнул, похоронив под своими обломками тайны баронессы, но в наступившей тишине рассвета, над руинами Фунсильторна, впервые за столетия поднялось солнце, не встретившее ни капли тумана.

Эхо под пеплом

Тишина, наступившая после падения замка, была тяжелой, как свинец. Рассвет не принес облегчения; серое небо лишь безразлично взирало на груды камней, которая еще вчера была воплощением ужаса.

Но из-под обломков, там, где только что двое нашли короткое, болезненное утешение, донесся звук. Не стон живого существа, а влажный, хлюпающий шелест.

Ван Хельсинг, придавленный массивной балкой, с трудом открыл глаза. Его дыхание было прерывистым, каждое движение отзывалось огнем в легких. Он поднял взгляд и замер. В полуметре от него, среди осколков витража и пыли, поднималась Гальярда.

Она не была больше той женщиной, которая искала тепла в его объятиях. Ее шелковое платье превратилось в лохмотья, обнажая кожу, которая больше не казалась фарфоровой. Она была серой, покрытой сетью вздутых, черных вен, пульсирующих в такт неестественному ритму. Её глаза — ртутные, хищные, лишенные даже намек на остатки человечности — светились в полумраке подземелья.

Она не просто выжила. Она трансформировалась. Свет, который должен был уничтожить её, стал катализатором, пробудившим внутри баронессы что-то куда более древнее и голодное, чем обычный вампиризм.

— Ты дал мне тепло, охотник, — её голос звучал как скрежет металла по камню. — Но я — создание тьмы. И теперь я знаю вкус жизни, запертой в твоих жилах.

Гальярда двигалась рывками, неестественно изгибая суставы. Она больше не была человеком, с которым он говорил минуту назад. Она стала кошмаром, воплощенным в плоти. Ван Хельсинг попытался дотянуться до своего клинка, но пальцы не слушались — он чувствовал, как холод её присутствия высасывает из него последние остатки жизненных сил.

Она присела рядом с ним, и её длинные, почерневшие ногти медленно очертили линию его челюсти. В её зрачках отражался не Ван Хельсинг, а его страх.

— Твоя любовь была ошибкой, — прошептала она, и её клыки удлинились, превратившись в бритвенно-острые шипы. — Она лишь напомнила мне, как сладка кровь того, кто пытается быть героем.

Замок продолжал оседать, перемалывая кости и надежды в труху. В этом замкнутом пространстве, где воздух был пропитан запахом пыли и смерти, раздался крик — не Ван Хельсинга, а самой Гальярды, которая, срываясь на визг, вонзила клыки в его шею.

В тот момент, когда кровь охотника смешалась с её проклятой сущностью, замок Фунсильторн не просто рухнул — он вздрогнул, словно живое существо, выплюнув из себя волну черной, липкой тьмы. Гальярда поднялась, её фигура выросла, тени вокруг неё начали удлиняться, превращаясь в

причудливые, когтистые конечности.

Она больше не была заперта в стенах. Она стала свободным воплощением ужаса, готовым понести свою жажду за пределы разрушенного поместья. Охотник лежал у её ног — опустошенный, бледный, навсегда ставший частью её коллекции.

Она вышла из обломков под утреннее солнце, которое почему-то померкло, стоило ей сделать первый шаг. Гальярда Фунсильторн улыбнулась, и в этой улыбке не осталось ничего, кроме вечного, всепоглощающего голода.

Тень над долиной

Туман, который раньше был узником Фунсильторна, теперь стал дыханием Гальярды. Он стелился по склонам гор, густой и липкий, как саван, медленно спускаясь в долину, где располагалась деревня Окхейвен.

Гальярда шла по лесной тропе. Её движения были лишены человеческой плавности — в них проскальзывала пугающая, неестественная резкость. Она не чувствовала холода утреннего воздуха; напротив, этот холод казался ей продолжением её собственной ледяной сущности. Позади, на месте бывшего замка, осталась лишь воронка, заполненная черным пеплом, из которой больше не веяло историей, лишь пустотой.

Она чувствовала Окхейвен каждой порой своей пробужденной кожи. Деревня пульсировала перед ней, как открытая рана — сотни крошечных, теплых сердец, бьющихся в унисон от страха.

Гальярда остановилась у границы леса. Старая мельница, заброшенная много лет назад, стояла здесь, словно страж. Она вошла внутрь, и тени, следовавшие за ней, слились с темнотой помещения. Она подняла руку, глядя на свои пальцы, которые все еще сохраняли бледность, но теперь от них исходила едва заметная, вибрирующая аура тьмы.

В деревне уже знали. Собаки выли, забиваясь в будки, а ставни домов плотно закрывались на засовы. Но Гальярду

это лишь забавляло. Она знала, что страх — это лучшая приправа к крови.

— Вы ждали спасения, — прошептала она, и её голос разнесся над полями, усиленный магией её новой формы. — Но ваш охотник пал. Теперь я — единственный закон этих земель.

Вдруг она замерла. В глубине души, там, где была погребена её человечность, возник странный, болезненный отголосок. Воспоминание о Ван Хельсинге — не как о жертве, а как о человеке, который на мгновение прикоснулся к её холоду, не пытаясь его уничтожить. Это воспоминание жгло её сильнее любого серебра.

Она стиснула зубы, и от этого движения крыша мельницы прогнулась, а деревянные балки опасно затрещали. Она должна была подавить это. Она должна была забыть.

В этот момент в сторону мельницы двинулась группа мужчин — староста деревни и несколько крепких парней, вооруженных факелами и вилами. Они шли неуверенно, дрожащими шагами, ведомые отчаянием.

Гальярда прикрыла глаза, наслаждаясь звуком их приближающихся шагов. Она чувствовала их пот, их бешено колотящиеся сердца, их искреннюю ненависть, смешанную с леденящим ужасом.

— Пришли закончить дело? — пробормотала она, медленно поворачиваясь к выходу.

Её глаза в темноте мельницы вспыхнули алым светом,

превращаясь в две точки, подобные адскому пламени. Она больше не собиралась играть. Она была голодна, и эта деревня должна была стать её первым пиршеством в новом качестве.

Пепел и молитвы

Воздух в мельнице стал плотным, пропитанным запахом озона и гниющего дерева. Гальярда сделала шаг вперед — легкий, почти невесомый, — и тяжелая дубовая дверь распахнулась сама собой, с треском сорвавшись с ржавых петель.

Мужчины, стоявшие снаружи, вздрогнули. Факелы в их руках задрожали, озаряя неровными оранжевыми бликами бледное лицо Гальярды. Староста, грузный мужчина с поседевшей бородой, сделал шаг вперед, вскинув вверх факел.

— Уходи, тварь! — выкрикнул он, хотя голос его сорвался на хрип. — Мы знаем, что ты сделала с Фунсильторном! Окхейвен не станет твоей кормушкой!

Гальярда едва заметно улыбнулась. Эта улыбка не коснулась её глаз, которые все еще тлели алым адским пламенем. Она не видела в них врагов — только овец, пришедших к алтарю по собственной воле.

— Вы называете это защитой? — её голос прозвучал тихо, но эхом отразился в сознании каждого из присутствующих, заставляя их побледнеть. — Ваша вера в закон, в молитвы, в вилы... это лишь детские сказки, которыми вы пытаетесь заглушить предсмертный хрип реальности.

Один из парней, самый молодой, не выдержал. С диким криком он бросился вперед, занося тяжелые вилы. Его

движение было предсказуемым, медленным, как застывший мед. Гальярда даже не шелохнулась. Она лишь едва заметно повела пальцами в воздухе, и невидимый поток силы, подобный удару молота, подхватил юношу.

Он отлетел назад, врезавшись в стену мельницы с глухим стуком, и осел на землю, словно сломанная кукла.

Толпа в ужасе отшатнулась. Факелы упали в мокрую траву, шипя и выпуская густой серый дым.

— Кто следующий? — Гальярда сделала шаг из проема мельницы. Туман вокруг неё сгустился, принимая причудливые, рваные формы, напоминающие когтистые лапы.

В этот момент, когда ужас окончательно сковал волю жителей деревни, из-за их спин, из гущи тумана, послышался сухой, мерный стук сапог по гравию. Кто-то шел к мельнице, не проявляя страха, не спеша.

Гальярда напряглась. Её сверхъестественный слух уловил ритм этого сердца — странный, прерывистый, но подозрительно спокойный.

Из тумана вышла высокая фигура в дорожном плаще, скрывающем лицо под глубоким капюшоном. Незнакомец остановился в нескольких шагах от группы крестьян, положив руку на рукоять длинного клинка, оплетенного серебряной проволокой.

— Довольно, — произнес незнакомец. Голос был хриплым, прокуренным, но в нем слышалась сталь, которая была Гальярде пугающе знакома.

Она замерла. Её алые глаза расширились. Туман вокруг неё на мгновение дрогнул и развеялся, словно испугавшись присутствия этого человека.

— Ван Хельсинг? — выдохнула она, и в этом звуке смешались неверие, ярость и тот самый болезненный отголосок, который она пыталась задушить. — Ты не мог выжить. Я видела, как ты остался там, в сердце пустоты.

Незнакомец откинул капюшон. Лицо его было пересечено свежим шрамом, тянущимся от виска к подбородку, а один глаз скрывала темная повязка. Он не выглядел победителем, он выглядел как человек, вернувшийся из самой преисподней, чтобы доделать работу.

— Я не выжил, Гальярда, — ответил он, медленно обнажая клинок, который начал слабо мерцать холодным лунным светом. — Я просто не нашел причин оставаться мертвым.

Гальярда почувствовала, как тьма, ставшая её сутью, вдруг вздрогнула. Впервые с момента перерождения она ощутила не холод, а настоящий, живой страх.

Стылая сталь

Тишина, воцарившаяся вокруг мельницы, была тяжелой, почти осязаемой. Крестьяне, осознав, что между ними и монстром встал некто, способный говорить с Гальярдой на равных, попятились, медленно растворяясь в утреннем тумане. Они бежали к деревне, молясь своим богам — кто о спасении Окхейвена, кто о том, чтобы больше никогда не видеть того, что скрывалось в тени мельницы.

Гальярда и Ван Хельсинг остались одни.

Между ними тянулось незримое марево — столкновение двух сил, порожденных одной трагедией. Гальярда сделала шаг вперед, и под её сапогами трава мгновенно покрылась инеем.

— Ты — эхо, — прошипела она, и её голос вибрировал, как натянутая струна. — Ты лишь бледная тень того человека, чье сердце я слышала в Фунсильторне. Что ты такое теперь?

Ван Хельсинг не ответил сразу. Он сделал короткий вдох, и Гальярда уловила странный запах: не кровь, не пот, а холодный пепел и запах металла, который бывает в воздухе перед ударом молнии. Он не был жив в привычном понимании этого слова, но его воля пылала ярче, чем у любого живого человека.

— Я — то, что осталось, когда надежда сгорела дотла, —

спокойно ответил он.

Он рванулся вперед с неестественной скоростью, почти такой же, как у Гальярды. Его серебряный клинок, рассекая воздух, оставлял за собой шлейф лунного света. Гальярда выбросила руку, создавая барьер из сгущенной тьмы, но сталь Ван Хельсинга прошла сквозь него, как нож сквозь воду.

Она едва успела уклониться. Кончик клинка полоснул её по плечу, и там, где была кожа, вспыхнуло яркое белое пламя. Гальярда вскрикнула — этот звук был не человеческим, а напоминал скрежет разрываемого металла. Она отпрянула, прижав ладонь к ране. Из неё сочилась не кровь, а густая черная субстанция, дымящаяся на утреннем свету.

— Ты не можешь победить тьму, пытаясь её разубить, — прорычала она, её глаза запылали яростью. — Я — не просто вампир. Я — пустота, которая поглотила Фунсильторн.

Она ударила ладонями по земле. Почва содрогнулась. Из-под ног Ван Хельсинга начали прорастать ледяные шипы, черные и острые, как бритвы. Но охотник двигался с грацией танцора — он перепрыгивал через препятствия, уклонялся от ударов, и каждое его движение было направлено на то, чтобы сократить дистанцию.

Ван Хельсинг оказался вплотную к ней. Он схватил её за запястье — рука Гальярды обожгла его, его перчатка начала дымиться, но он не выпустил её.

— Тьму нельзя победить, — прошептал он, глядя ей пря-

мо в алые глаза, в самую глубину, где еще билась та искра воспоминания, которую она так пыталась подавить. — Но её можно запереть там, где она не причинит боли.

Он достал из-за пояса небольшую костяную сферу, испещренную рунами. Она начала пульсировать тусклым синим светом, который странным образом резонировал с тем самым «человеческим» отголоском внутри Гальярды.

Гальярда почувствовала, как её тьма начала стягиваться, всасываться в эту сферу, словно в черную дыру. Она забилась в его руках, пытаясь вырваться, но Ван Хельсинг держал её крепко, не обращая внимания на боль от её прикосновения.

— Нет! — закричала она, и этот крик разорвал туман над долиной. — Ты не забереешь это у меня! Это единственное, что делает меня сильной!

— Это единственное, что делает тебя мертвой, — ответил он, и в его голосе прозвучала бесконечная печаль.

В этот момент, когда сфера начала впитывать её сущность, мир вокруг них начал трескаться, словно стекло. Время замедлилось, и Гальярда увидела в глазах Ван Хельсинга не ненависть, а нечто гораздо более пугающее — отражение своей собственной обреченности.

Между светом и пустотой

Свет сферы разрывал реальность, превращая утренний туман в калейдоскоп осколков. Гальярда чувствовала, как тьма, ставшая её броней, кровью и разумом, с болезненным хрустом вырывается из её вен, устремляясь в костяной артефакт. Каждое мгновение лишало её частицы мощи — той самой, что позволяла ей повелевать тенями и не знать страха.

Ван Хельсинг, удерживая её, бледнел на глазах. Его собственная жизнь — или то, чем он заменил её после смерти — была напрямую связана с этим ритуалом. Его кожа начала сереть, становясь прозрачной, словно пергамент, а рука, сжимавшая запястье Гальярды, подернулась инеем.

— Ты убиваешь нас обоих! — закричала она, пытаясь вырваться, но её движения слабели с каждой секундой. — Зачем?! Что ты получишь в конце этого пути?

Ван Хельсинг с трудом поднял на неё взгляд. Его единственный видимый глаз — когда-то живой, полный тепла — теперь светился тусклым, холодным серебром.

— Мир, в котором не будет твоей голодной тени, — прохрипел он. — И тишину. Мне нужна тишина, Гальярда.

В этот момент, когда тьма почти покинула её, внутри Гальярды что-то изменилось. Опустошенная, лишённая своей магической подпитки, она внезапно ощутила не холод, а пронзающее, жгучее тепло живого сердца. Она вспомнила не

только боль, но и вкус ветра, запах разогретой солнцем травы, тяжесть собственного тела — всё то, что она променяла на бессмертие.

Это осознание ударило сильнее, чем любой клинок.

— Подожди... — прошептала она, и её голос впервые за долгое время звучал как голос обычной, смертной женщины.

Она резко подалась вперед, не пытаясь ударить, а прижимаясь к Ван Хельсингу. Она схватила его за края плаща, вкладывая последние остатки воли в этот жест. Невидимая связь между ними, усиленная сферой, замкнулась. Тьма, которую Ван Хельсинг пытался запереть в артефакте, вдруг хлынула обратно, но не в Гальярду, а в него самого.

Раздался оглушительный треск. Костяная сфера взорвалась, разлетаясь на тысячи крошечных осколков, которые вонзились в землю, как раскаленная дробь.

Ударная волна отбросила их друг от друга. Гальярда упала на спину, тяжело дыша. Её пальцы впились в сырую землю, и она почувствовала, как по щеке катится настоящая, соленая слеза. Она была слаба, смертельно слаба, но она была собой.

В нескольких метрах от неё лежал Ван Хельсинг. Его плащ дымился, а сам он не двигался.

Гальярда с трудом поднялась на ноги. Мир плыл перед глазами. Деревья Окхейвена казались ей теперь не угрозой, а чем-то далеким и почти забытым. Она подошла к охотнику и опустилась на колени.

— Ван Хельсинг? — тихо позвала она, касаясь его плеча.

Он лежал неподвижно, но его грудь едва заметно вздымалась. Он не был мертв, но и не был прежним.

Внезапно из глубины леса раздался гул, который невозможно было спутать ни с чем. Это был звук горна — древнего, низкого, призывающего к сбору. Звук, который означал только одно: те, кто породил Тень, почувствовали её смерть. Они шли за тем, что осталось от Гальярды и Ван Хельсинга.

Гальярда посмотрела на свои руки: они снова были человеческими, бледными, дрожащими от холода. Она посмотрела на спящего охотника, затем на дорогу, ведущую прочь от Оккейвена.

— Ты хотел тишины, — прошептала она, поднимая его меч с земли. — Но теперь нам придется сражаться за неё вместе.

Цена тишины

Лес вокруг мельницы отозвался на зов горна зловещим шепотом. Листва деревьев, еще секунду назад неподвижная, начала вибрировать в унисон с низким, утробным гулом, доносившимся из самой глубины долины. Те, кого Гальярда когда-то называла «хозяевами пустоты», были здесь. Они не имели имен, только голод, и они чувствовали, что их игрушка — Гальярда — сорвалась с поводка.

Гальярда чувствовала, как по позвоночнику пробегает холод. Без той магической защиты, что давала ей тьма, этот холод был обычным страхом — острым, кусачим, человеческим.

Она подтащила Ван Хельсинга к тени старой мельницы. Его тело было тяжелым, холодным, словно камень, но сердце под грудной клеткой билось медленно и ровно. Он был жив, но его сознание находилось где-то на грани миров, куда она не могла последовать.

— Я не дам им тебя забрать, — прошептала она, сжимая в руке его серебряный клинок.

Рукоять казалась непривычно тяжелой. Она не была воинской, она была лишь отражением зла, которое теперь было вынуждено стать мечом для борьбы с самой Тьмой.

Из тумана начали выходить фигуры. Их не было видно целиком — лишь намеки на конечности, длинные, суставча-

тые, и светящиеся белым светом провалы на месте лиц. Они двигались не по земле, а над ней, оставляя после себя выжженные полосы на траве.

Гальярда поднялась во весь рост. Она не была той Гальярдой, что властвовала над Фунсильторном, но в её глазах разгоралось другое пламя — пламя отчаянной, яростной воли выжить.

— Вы пришли за долгом? — её голос, хоть и лишенный прежней магической мощи, звучал чисто и твердо. — Ваша эпоха здесь закончилась.

Первая из теней бросилась на неё, неестественно вытянувшись, словно змея. Гальярда взмахнула клинком. Это не было мастерство фехтовальщика, это был инстинкт, помноженный на знание того, как устроена их природа. Серебро клинка рассекло «плоть» сущности, и раздался звук, похожий на крик тысячи бьющихся стекол. Тень рассыпалась черным пеплом, оседая на влажную землю.

Но их было много. Десятки, сотни. Они начали смыкать кольцо вокруг мельницы.

В этот момент, словно услышав её зов, рука Ван Хельсинга дернулась. Его глаза, скрытые повязкой, вдруг приоткрылись, но под ними не было зрачков — лишь пульсирующее серебро.

— Гальярда... — голос его прозвучал изнутри её собственного разума, словно он говорил прямо в её сознании. — Не сражайся с ними. Обмани их.

— Как?! — крикнула она, отбивая очередной выпад теневой когтистой лапы. Её плечо уже было расплосовано, и горячая кровь заливала платье, но она почти не чувствовала боли, движимая адреналином.

— Огонь, — прошептал Ван Хельсинг, и его голос стал громче, наполняя пространство вокруг них странным резонансом. — Оккейвен стоит на залежах торфа и старой угольной шахте. Вспомни... где именно ты проснулась.

Гальярда замерла на долю секунды. Она вспомнила. Внизу, под деревней, тянулись бесконечные жилы горячего камня, которые она сама подожгла, когда превращала Фунсильторн в пепел. Этот огонь не погас — он ушел глубоко в недра земли, ожидая часа, чтобы вырваться.

Она поняла план.

Она резко вонзила меч в землю, прямо у порога мельницы, и ударила по нему кулаком, высвобождая последний остаток тьмы, который она не успела выпустить. Это был крошечный заряд, искра, направленная в самую глубь, в ту самую воронку, где когда-то был замок.

Земля под ногами дрогнула. Гул горна сменился пронзительным визгом теней.

— Беги, — скомандовал Ван Хельсинг, поднимаясь на одно колено.

В ту же секунду из разломов в земле, из-под корней вековых деревьев, начал вырываться ярко-оранжевый, почти белый огонь. Это не был обычный пожар — это был гнев са-

мой земли, выжигающий пустоту. Гальярда подхватила Ван Хельсинга, опираясь на его плечо, и они бросились прочь, в сторону леса, пока мир за их спинами превращался в пылающий ад.

Окхейвен исчезал в огне, но вместе с ним в этом огне сгорали и те, кто веками кормился страхом этой долины.

— -

Они выбрались на склон холма, глядя на то, как долина превращается в море пламени. Гальярд

а стояла, тяжело дыша, опираясь на истощенного охотника. Впервые за долгие годы она чувствовала запах гари не как часть своей сущности, а как просто запах дыма.

Они были свободны.

Долгий рассвет

Огонь, поглотивший Окхейвен, был неистовым, но недолгим. Торфяные пожары коварны: они выжигают всё изнутри, оставляя после себя лишь дымящиеся ямы и пепел, усеивающий склон. Когда первые лучи настоящего, не замутненного магией солнца пробились сквозь облака, Гальярда и Ван Хельсинг стояли на вершине холма, глядя на то, что осталось от долины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.